Мотив женской телесности в романе М. Этвуд «Рассказ Служанки»

Жаркова Евгения Петровна

Воронежский государственный университет (ВГУ), Воронеж, Россия

The Motif of Feminine Corporeality in M. Atwood's novel «The Handmaid's Tale»

Zharkova Evgeniya

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Аннотация

Статья посвящена анализу аспектов женской телесности в антиутопии канадской писательницы М. Этвуд «Рассказ Служанки», в которой обращение к насилию над телом позволяет автору создать убедительную картину подавления личности в тоталитарном социуме и одновременно показать значимость телесного начала в восстановлении утраченной духовной целостности. Автор стремится показать, что именно логикой телесности обуславливается не только проблематика, но и художественное своеобразие романа Этвуд.

Abstract

This article analyzes the aspects of feminine corporeality in the dystopia «The Handmaid's Tale» by the Canadian writer M. Atwood, in which the appeal to violence over the body allows the author to create a convincing picture of the suppression of the individual in a

totalitarian society and to show at the same time the importance of bodily principle in the restoration of the lost spiritual integrity. The author seeks to show that the logic of physicality is that determines not only the problematic peculiarities, but also the artistic originality of Atwood's novel.

Ключевые слова: антиутопия, телесность, хронотоп, Этвуд.

Keywords: Atwood, chronotope, corporeality, dystopia.

Мотив телесности в романе Этвуд в контексте антиутопического канона: традиции и новаторство

Затрагивая тему интимных отношений между полами, антиутопия выявляет особый аспект насилия над личностью в тоталитарном государстве. Страх перед естественным наиболее ярко выражается в стремлении отделить государство как цивилизацию от природы – как на внешнем уровне, так

и на уровне человеческого существования, то есть в отчуждении человека от всего инстинктивного, в первую очередь, от сферы интимного и сексуального, что подчеркивает, к примеру, Б. Ланин [1, 157].

В русле отмеченной традиции находится антиутопия канадской писательницы М. Этвуд «Рассказ Служанки» (1985). Население тоталитарного государства Галаад, подвергшееся радиоактивному загрязнению, поражает массовое бесплодие. Выход из ситуации власти находят в отборе женщин с сохранившейся репродуктивной функцией и распределении их в семьи элиты. Так называемые Служанки (здесь Фредова – по имени хозяина Фреда) вынуждены подвергаться унизительной церемонии зачатия, когда глава дома пытается их оплодотворить в присутствии собственной жены. Сами же Служанки, выносив плод, лишаются всяких прав на собственного ребенка.

В отличие от классической антиутопии, где героями традиционно выступали мужчины, повествование в произведении Этвуд связано с восприятием окружающего мира женщиной, причем на первый план выступают реакции на мир ее тела. Для нового режима героиня – всего-навсего «двуногая матка», «ходячая утроба», идеальный инкубатор для вынашивания детей, которые будут считаться для нее чужими.

Исходя из этой навязанной роли, все ее существование должно определяться жизнью тела и репродуктивными циклами. Героиня воспринимает свое тело как нечто враждебное по отношению к себе, пытаясь внутренне дистанцироваться от него. Она осознает, что тело становится тем единственным, что определяет ее роль для нового режима,

и испытывает отстранение от собственной телесности. Не случайно сам акт повествования становится для нее, как отмечает К. Э. Хауэлс (Howells), побегом не только из времени, но и из тела в ту сферу, где власть обретает слово, язык [3, 176].

Однако одновременно с отстранением от тела героиня строит свой внутренний отсчет времени сообразно собственным телесным процессам. На внешнем уровне ее время жестко регламентировано режимом. Но во внутреннем пространстве героини время определяется, прежде всего, ритмами тела – сердцебиением, дыханием, сменой сна и бодрствования и характерным для женской природы репродуктивным циклом. Вся композиционная структура романа строится как чередование дня и ночи, сна и бодрствования.

Логика телесности в концентрическом хронотопе романа

Пространственная организация романа, строящаяся как последовательность концентрических кругов, также подчиняется, прежде всего, логике телесности, что прослеживается во множестве мотивных связей и ассоциаций. Ближайшим к героине и замыкающимся вокруг нее пространством становится комната, в которой она вынуждена обитать. Подобно женскому телу, она оказывается обезображенной, подвергается насилию и хранит его следы, лишена индивидуальных черт, предельно обезличена. Однако комната, развернутая метафора человеческого тела, несет и намек на возможность сопротивления. Исследуя ее пространство, героиня находит в неприметном углу шкафа

подбадривающие ее слова: «Не позволяй ублюдкам доконать тебя» [2, 61].

Элементом организации хронотопа, тесно связанным с телесным началом, становится кухня как традиционная сфера обитания женщин, пространство, насыщенное образами женской телесности. Героиня, испытывающая жажду по ощущениям, связанным с жизнью тела, связывает этот чувственный голод с желанием поучаствовать в замесе теста. Еще один символически нагруженный образ пищи в контексте романа – яйцо. В сознании героини яйцо превращается в символ человека, заключенного в скорлупу собственного тела, связанный с мотивами поедания человеческой плоти, циклами женской природы, зачатия и деторождения.

Ванная также становится символическим пространством, указывающим на насилие и ограничения, связанные с женским телом. Это место, в котором возможна краткая встреча с собственной запретной телесностью, и именно поэтому оно представляет опасность для господствующего режима. Дверь туда не закрывается, а любая возможность контролировать собственное тело, будь то даже в аспекте самоуничтожения, исключена. «В ванне вы ранимы», – говорит надсмотрщица Красного Центра Тетка Лидия [2, 72], и в каком-то смысле она оказывается права: простой запах мыла провоцирует у Фредовой глубоко погребенные воспоминания о дочери, ассоциации с образом которой также телесны. Однако тело, возвращая героиню в прошлое, спустя несколько мгновений возвращает ее обратно, к реальности: глазам Фредовой предстает татуировка с идентификационным номером на

лодыжке, которую она редко оголяет, знак ее обезличенности.

Подобное образное наполнение приобретает хронотоп сада. Для героини сад – прежде всего напоминание об иной, прошлой жизни, символ связи с природным началом. Знаком этого природного цикла рождения и смерти становятся ярко-красные тюльпаны, отчетливо отсылающие к крови, также амбивалентному символу смерти, сексуальности и деторождения.

Аморфность внутреннего и внешнего пространства «Рассказа Служанки» и фрагментация тела в романе

Связь организации хронотопа и пространства женского тела прослеживается и в том, что и внешнее пространство, и само человеческое тело имеют аморфную структуру. Тело превращается в бесформенное пространство, в котором можно утонуть, как в трясине. Утрата власти над телом становится утратой минимальной личной территории, принадлежащей человеку. Героиня ощущает себя «чадающей маткой», дрейфующей в бесформенном океане. Собственное тело воспринимается героиней как некое внешнее измерение, ландшафт, по которому ей приходится путешествовать и который определяется картографией плоти.

Аналогией фрагментации внешнего пространства во внутреннем пространстве человеческого тела в романе выступает его своеобразное расчленение, фрагментация, как на физическом уровне, так и на эмоциональном. Служанки воспринимаются остальным обществом исключительно как инструменты деторождения,

остальные же части тела оказываются им не нужны.

Парадоксы телесности в антиутопии Этвуд

Таким образом, в антиутопии Этвуд постоянное обращение к мотиву телесности указывает на парадоксальную ситуацию: внутреннее отчуждение героини от своего плотского естества соседствует с осмыслением героиней собственного положения и сопротивлением ему посредством телесности. Особое значение в ее внутреннем мире обретают ощущения и переживания, связанные с жизнью женского тела, его потребностями и ритмами, а также подчиненные логике телесности воспоминания об имевшихся когда-то подлинно человеческих отношениях. Тело героини начинает выражать высшее, личностное начало, выступающее против физического и духовного насилия. Мотив тела обуславливает проблематику романа и становится ведущим принципом пространственно-временной организации антиутопии Этвуд.

Литература

1. Ланин Б. Анатомия литературной антиутопии // *Общественные науки и современность*. № 5. 1993. С. 154-163.
2. Этвуд М. Рассказ Служанки. М.: Эксмо, 2010. 352 с.
3. Howells C. A. *Contemporary Canadian Women's Fiction: Refiguring Identities*. New York : Palgrave Macmillan, 2003. 230 p.

References